

18+

Дом,

Илья

в котором

Кривошеев

мы живем

Илья Кривошеев

Дом, в котором мы живем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43018888

ISBN 9785449619198

Аннотация

Вена, 1998 год. София Вебер и ее десятилетний сынишка Фредерик, а также их старушка-соседка фрау Марта попытаются разобраться с теми странными и страшными явлениями, которые происходят в доме, в котором они живут.

Дом, в котором мы живем

Илья Кривошеев

© Илья Кривошеев, 2020

ISBN 978-5-4496-1919-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дом, в котором мы живем, был построен в промежутке конца девятнадцатого и начала двадцатого столетий, и в то время был известным доходным домом Вены. В этом доме в свое время квартировались многие журналисты и писатели Австро-Венгерской империи, а также музыканты, художники, мелкие предприниматели и куртизанки. Да, этот старый и ветхий, но все еще красивый и не потерявший своей привлекательности, дом имеет богатую историю. Но история прошлого этого дома меня, если честно, интересует мало. Меня больше интересует моя личная история жизни в этом доме, о которой я расскажу.

Мне было десять лет, когда умер отец, и нам с мамой пришлось переехать в этот дом. Это было в 1998 году. Отец мой покончил жизнь самоубийством, застрелился. Он был банковским клерком, но помимо этого еще играл на валютных биржах, будучи довольно азартным человеком. Мама про

его дополнительные заработки ничего не знала, хотя, конечно, догадывалась, когда в семье появлялись большие доходы, не сопоставимые с зарплатой клерка. Все ее попытки выяснить происхождение дополнительных доходов отца пресекались им на корню. Точнее о них она узнала постфактум, когда отец уже покончил с собой, а в нашу квартиру пришли судебные приставы описывать имущество. Дело в том, что мой отец однажды ввязался в некую авантюру, в погоне за большой наживой, заложив при этом нашу квартиру без согласия мамы, подделав ее подпись. Проигравшись в этой авантюре, оказавшись в роли жертвы мошенников, отец не смог себе этого простить, не смог справиться со своими эмоциями и застрелился. Это произошло в парке, недалеко от того дома, в котором мы жили. Я помню, что полицейские пришли в нашу квартиру рано утром и сообщили маме о случившемся происшествии. Тело они обнаружили ночью. При нем, в кармане плаща, была прощальная записка, в которой он признавался в содеянном и просил прощения у мамы. Три дня подряд мама рыдала. Я никогда не забуду этих трех дней, потому что это были самые тяжелые, самые страшные дни в моей жизни. Атмосфера в нашей квартире была угнетающая. Мама как будто бы впала в транс, она ничего и никого не замечала вокруг, даже меня, а только бесконечно плакала и что-то бормотала себе под нос. Но на четвертый день она собралась с силами, перестала плакать и сказала мне, что впереди нас ждут тяжелые времена, но мы должны быть

сильными, потому что никто нам не поможет, что у нее есть только я, а у меня есть только она.

А потом были похороны. Их организовала бабушка. Для нее это было очень важно – организовать похороны своего единственного любимого сына, – потому что она была верующим человеком. Она знала, что католическая церковь негативно относится к суициду и не возьмется за отпевание самоубийцы, поэтому ей пришлось пойти на некоторую хитрость, обман и подкуп церковнослужителя. Она обратилась к священнику пригородного Кёнигштеттен, рассказала ему историю о том, что ее сына убили и представили это убийство как самоубийство, она намерена доказывать в суде, что сына убили и оклеветали, но сейчас важно похоронить жертву преступления. Кроме этой басни, она увеличила гонорар священника в два раза установленного тарифа за отпевание покойного. Похороны урны с прахом проходили на кладбище Кёнигштеттен, присутствовали всего восемь человек, кроме меня, мамы, бабушки и священника, были еще четыре близких друга отца. Священник долго не церемонился с погребением урны, казалось, что ему хотелось поскорее закончить со всем этим, я это отлично помню, потому что все действие происходило очень быстро и неумолимо. Однако кроме короткой молитвы за упокой, он еще произнес небольшую проповедь для нас, присутствующих. Он что-то говорил о том, что в загробной жизни действуют те же правила, что и в этой жизни; что там есть свой царь-господь, его

министры и заместители министров, а также простой народ царства загробного, который живет по законам загробного царства, а господь и его министры следят за тем, чтобы законы исполнялись, и чтобы в загробном царстве царили покой, мир и благодать; и что в этой жизни мы учимся жить по этим законам, чтобы в следующей загробной жизни мы уже могли учесть все свои ошибки и больше никогда их не совершать. После этой проповеди бабушка немного всплакнула и тихо прошептала: «Спасибо вам, падре, это замечательные слова, вы все очень хорошо и правильно сказали, спасибо вам.»

После погребения мы с мамой уехали домой. Мама с бабушкой принесли друг другу соболезнования, пожали руки и тихо, спокойно, без эмоций разошлись. Дело в том, что они всегда недолюбливали друг друга.

«Мам, а бабушка тоже не будет нам помогать?»

«Нет, сынок, не будет.»

«И даже в гости она не будет к нам приходить?»

«Я думаю, что не будет. Но ты знаешь, что если ты сам по ней соскучишься, ты сможешь ей позвонить, и она пригласит тебя в гости.»

«Мам, а почему вы с бабушкой не дружите?»

«Ох, сынок! Она никогда не любила меня, всегда говорила твоему отцу, что зря он на мне женился.»

«На похоронах падре сказал, что загробный мир похож на наш мир, что в нем действуют те же законы, что и в нашем мире. И бабушка сказала ему, что он прав. Мам, а он прав?»

«Я не знаю, сынок. Наверное, никто не знает, что в загробном мире. Я думаю, что бабушка просто хочет верить в то, что падре правильно все говорит. Ей от этого спокойнее, наверное.»

«Но раньше бабушка сама мне рассказывала, что в загробном мире есть ад и рай. В ад попадают плохие люди, которые совершают преступления и плохо себя ведут, а в рай – хорошие, которые живут по закону. Но падре сегодня ничего не сказал про ад и рай, и бабушка с ним согласилась. Так что же получается, она меня обманула?»

«Не думаю, что она хотела тебя обмануть. Я думаю, что во многом она сама себя обманывает, потому что ей не хочется верить, что ее сын попадет в ад. Отец-то твой совсем не по закону жил, и за те вещи, которые он совершил, он должен бы попасть в ад. А если верить тому, что сказал падре, то в ад он не попадет, потому что загробный мир устроен также как наш. Знаешь, когда я была маленькой, я была большой соней, не любила просыпаться рано утром, любила поспать. Часто, когда моя мама утром будила меня, я капризничала и говорила, что еще хочу спать. А мама качала головой и укоризненно говорила мне, что все мы выспимся на том свете. Я помню, что меня это так заинтересовало, и я начала расспрашивать маму про „тот свет“. Вот прямо как ты меня сейчас расспрашиваешь. Мама мне рассказала, что когда люди умирают, их души улетают на небо, и там они порхают в свободном полете по бескрайнему воздушно-

му пространству, как птицы, только бестелесные, свободные, довольные, счастливые. Душа, свободная от тела, на небесах не выживает как человек на земле, потому что ей не нужны еда и деньги, она просто летает по небу и радуется своему существованию. Поэтому мама мне и говорила, что только на небесах самая счастливая жизнь. И так продолжается до тех пор, пока душа не вселяется в тело какого-нибудь новорожденного ребенка. И я в это верила и ни про какой ад или рай не думала. Поэтому я всегда была уверена, что загробный мир лучше нашего. Но сегодня на похоронах падре не только тебя, но и меня поставил в тупик. Если верить тому, что он говорил на своей проповеди, то получается, что загробный мир такой же трудный и мучительный, как наш. Но я не хочу в это верить, потому что я всегда верила в то, что все как раз наоборот.»

А потом был суд. На суде мама доказывала, что понятия не имела о том, что отец заложил нашу квартиру, подделав ее подпись. И доказала. Наш справедливейший австрийский суд был снисходительным и постановил, что молодая вдова с малолетним ребенком, потерявшая кормильца семьи, не работающая в настоящее время и не имеющая постоянного дохода, не может оказаться на улице с иждивенцем на руках, не может лишиться всего недвижимого имущества и оказаться без крыши над головой. Суд вынес вердикт о необходимости сократить наши квадратные метры и переселить нас в другое жилое помещение, более приемлемое

для нас. Выбор как раз и пал на квартиру в доме старого фонда Вены, в том самом доме, где мы живем. Мы с мамой переехали в нашу новую квартиру полгода спустя после приговора суда.

Я отлично помню день нашего переезда. То была весна, март месяц. В первое мгновение дом меня поразил, он был такой большой, такой красивый, с балконами. Но то, что казалось красивым снаружи, было совсем плачевным изнутри. Я это понял, когда впервые увидел нашу новую старую квартиру на пятом этаже. Сказать, что она была убитая, это не сказать ничего, в ней явно требовался ремонт.

Старая деревянная дверь в нашу квартиру оказалась очень высокой, в то время была вдвое выше меня, а я тогда был мелкий десятилетний мальчуган. Но, хотя она и была старой, что удивительно, она совершенно не скрипела. Открыв дверь, мы с мамой проходим в общий коридор двухкомнатной квартиры.

Общий коридор был даже не коридором, а общей комнатой, довольно просторной, с широким окном прямо напротив входа. Окно выходило на солнечную сторону улицы, поэтому в нашей квартире всегда было много света. Но, что самое замечательное, окно было не только окном, но и выходом на маленький балкон. Мебели здесь было немного, а именно, старый шкаф слева в углу прямо у входа и рядом журнальный столик, а напротив, справа, – старый красный диван с деревянными подлокотниками. Стены наполовину

были покрашены в бледно-зеленый цвет, а верхнюю половину стены покрывали белила. Далее, справа, после дивана был вход в маленькую кухню, длинную, но узкую. А за кухней – белая входная дверь в комнату, в которой жила наша соседка. Наша комната была напротив ее двери, слева. Ей предшествовала ванная комната, сразу после журнального столика, почти напротив кухни.

«Ну, вот, сынок, это наш новый дом,» – вздохнула мама.

«Мам, а ты уже была здесь?»

«Конечно.»

«А кто живет там?» – я показал на дверь в комнату справа.

«Наша соседка. Фрау Марта. Она уже женщина пожилая и из комнаты выходит редко. Я, кстати, ее еще не видела, но, думаю, у нас будет возможность с ней познакомиться. Судебная чиновница и чиновница из домоуправления, которые в прошлый раз показывали мне квартиру, меня предупредили, чтобы мы не шумели, потому что фрау Марте требуется покой. Но я знаю, что ты у меня мальчик разумный и шуметь не будешь. Верю, что проблем с фрау Мартой у нас не возникнет. Да, дорогой? Ну, идем в нашу комнату.»

Наша комната оказалась тоже довольно просторной с двумя широкими и высокими окнами. Стены также были покрашены наполовину белилами и наполовину бледно-зеленой краской. Все наши вещи и вся наша мебель из бывшей квартиры уже заполняли собой новую комнату, потому что мама за несколько дней до нашего с ней переезда организо-

вала перевозку. В первый же день мы занялись распаковкой и расстановкой.

На следующий день, утром, когда мы с мамой были на кухне и завтракали, в квартиру зашла женщина лет сорока – сорока пяти. Она была одета в широкое весеннее пальто, синюю беретку, а на шее у нее был повязан черный шарф.

«Доброе утро,» – поздоровалась с нами женщина, проходя на кухню.

«Здравствуйте,» – удивленно произнесла мама, как бы намереваясь спросить, «а вы кто?», но женщина предугадала ее вопрос.

«Не пугайтесь. Я фрау Какилия. Я работаю в социальной службе. Каждый день, кроме воскресенья, я прихожу к фрау Марте. Провожу в этой квартире половину дня, помогаю бедной старой женщине в быту.»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.